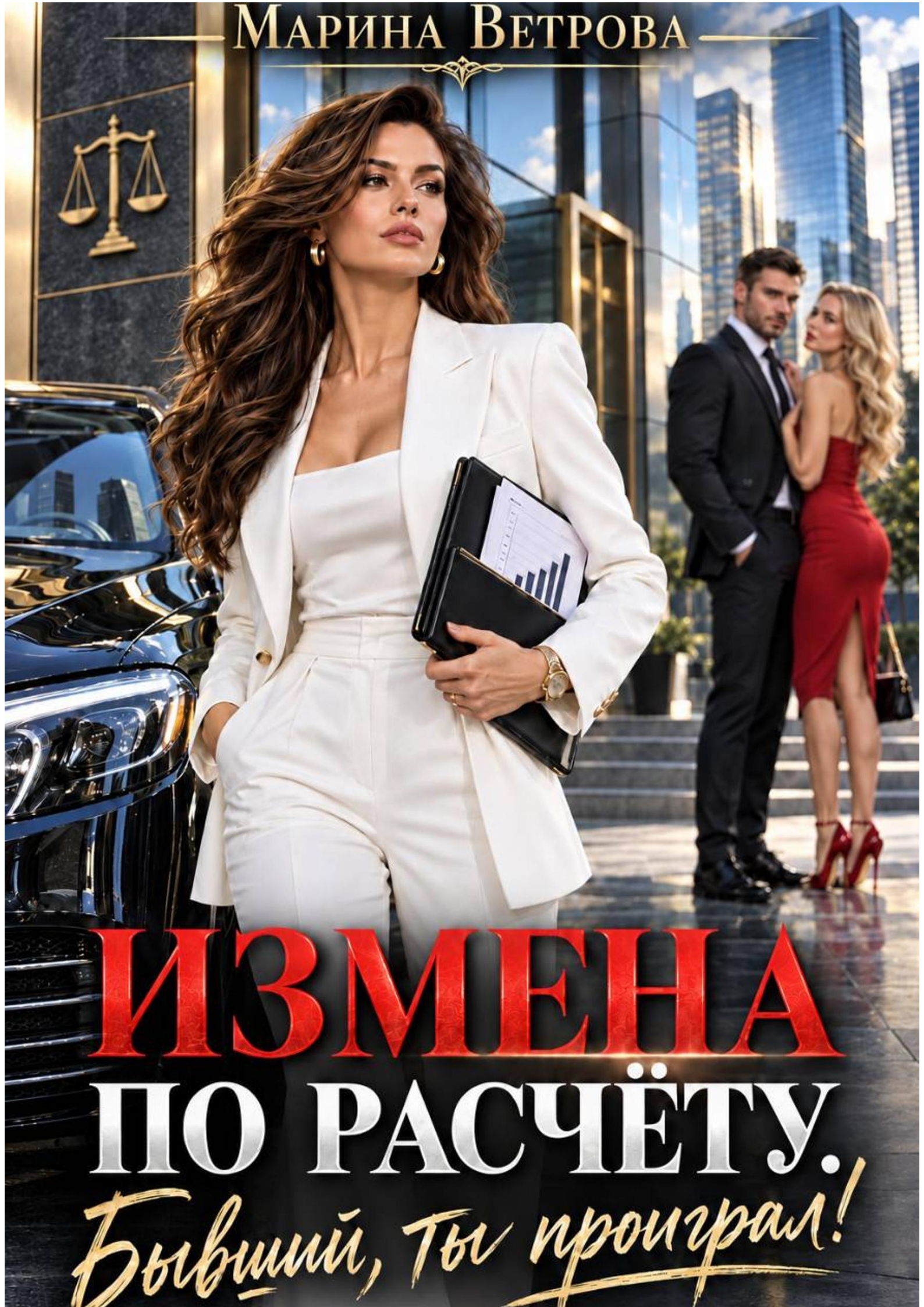

МАРИНА ВЕТРОВА

ИЗМЕНА

ПО РАСЧЁТУ.

Бывший, Ты проиграл!

Марина Ветрова

**Измена по расчёту.
Бывший, ты проиграл!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Измена по расчёту. Бывший, ты проиграл! / М. Ветрова —
«Автор», 2026

Десять лет я помогала мужу строить бизнес. Проверяла счета, спасала сделки, закрывала финансовые дыры. А однажды обнаружила, что он оплачивает любовнице роскошный номер в отеле за наши деньги. Я потребовала объяснений. В ответ Артём заблокировал мои карты, выставил из дома и предложил развод. Ему — бизнес, квартиры и миллионы. Мне — три миллиона долга и ипотека. Он даже подготовил документы, чтобы объявить меня психически нестабильной, если я откажусь. Но мой муж допустил одну ошибку. Я профессиональный аудитор. И прекрасно знаю, где искать спрятанные деньги. Теперь со мной опасный частный детектив, у которого свои счёты с богачами. Бывший, готовься. Баланс будет в мою пользу!

© Ветрова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Марина Ветрова

Измена по расчёту. Бывший, ты проиграл!

Глава 1

Кофе остыл настолько, что на поверхности плавала тонкая пленка. Отодвинула чашку от ноутбука: еще раз залью клавиатуру — Артем неделю будет вспоминать, как дорого ему обходится моя работа. По вечерам в офисе никто не требовал немедленно улыбнуться, соединить с клиентом или найти пропавшую папку. Можно было закончить квартальный отчет, и я на это очень рассчитывала.

На третьей вкладке застряла уже на полчаса.

До тендера на реконструкцию делового центра в Сити оставалась неделя. Инвесторам нужен был отчет по «Арт-Групп», а мне — чтобы на совещании не пришлось краснеть за чужие подписи. Открыла выписки еще раз. Обычно такая проверка занимала вечер; сегодня я даже не дошла до сводной таблицы.

«Маркетинговые услуги» — четыреста пятьдесят тысяч. Платеж трехнедельной давности в пользу ООО «Небо и Земля». Я выделила ячейку красным и сразу пожалела: теперь эта сумма была видна даже краем глаза.

«Небо и Земля» печатали нам буклеты. Последний заказ лежал в шкафу у секретаря: пять коробок, скрепленные листы, бумага самая обыкновенная. Я сама исправляла там опечатку в названии улицы. Четыреста пятьдесят тысяч? Они что, после этого напечатали всю улицу целиком?

— Нолик лишний? — спросила у пустого кабинета. Убрала ладонь с мышки и проверила сумму на соседней вкладке. Нолик был тот же.

В акте стояла подпись Артема, такая большая, что задела соседнюю строку. Он всегда так подписывал: документ будто обязан был освободить ему побольше места. НДС, дата счета, сумма в выписке — совпадали. Перепроверила еще раз, уже без надежды свалить все на чью-то ошибку ввода.

Исправлять в отчете было нечего. Спрашивать следовало у подписанта.

Платеж ушел на расчетный счет, возврата не было. Нашла компанию в открытой базе. Адрес регистрации приводил к пивбару на окраине; имя учредителя я видела впервые. Скопировала реквизиты в заметки, потом вернулась к назначению платежа. Здесь должно было быть «печать рекламных материалов».

Ниже, вместо буклетов, нашлись «VIP-пакеты услуг». Так в платежке и было написано. Вернулась к акту: там по-прежнему значился маркетинг.

Может, у полиграфистов теперь и бумага делилась на эконом и бизнес-класс? Реквизиты сохранила, шутка сама собой перестала быть смешной.

В шкафу оставались обычные коробки с буклетами. Захотелось открыть одну и убедиться, что там впрямь нет чего-то, стоящего полмиллиона. Но даже самая дорогая печать не объяснила бы адрес пивбара.

Дверь кабинета распахнулась без стука.

— Вероника! Ты здесь?

Артем говорил из коридора, еще до того, как увидел меня. Встреча, видимо, удалась: при неудаче он входил молча и первым делом спрашивал, кто трогал кондиционер. Сейчас улыбался, рукава дорогой рубашки были закатаны; на запястье блеснули часы, которыми он любил ненароком заинтересовать клиентов.

Свернула браузер. Он остановился на полушаге, посмотрел на экран, затем на мою руку с мышкой. Уже заметил. Я оставила ладонь на столе — отдернуть ее значило бы сделать еще хуже.

— Ты еще здесь? — Артем встал за креслом, опираясь на спинку обеими руками. — Цифры никуда не денутся. Я чуть отодвинулась от стола. Он наклонился следом; духи, которые раньше нравились, теперь казались слишком тяжелыми в маленьком кабинете.

— Аудит, Артем. Тендер через неделю. Мне нужно закрыть все хвосты, чтобы юристы не задавали лишних вопросов.

Он тронул плечо, будто собирался развернуть меня вместе с креслом. Мышку я не отпустила. Курсор остался в красной ячейке.

— Отдай помощнику. Ему за это платят, — сказал он. — Ты опять сидишь допоздна, потом на меня сил нет. — За эту подпись помощнику не платят. — Вера, ну хватит. У нас хорошая сделка. Ты должна меня вдохновлять, а не допрашивать за каждым счетом.

Я убрала его руку с плеча. Для вдохновения у него находились и время, и слова; для счета на четыреста пятьдесят тысяч — только раздражение. Хотелось ткнуть его носом в выписку: пусть попробует оплатить ипотеку своей мечтой.

Договорить вслух про ипотеку не решилась. За окном секретарь разговаривала по телефону; наш спор слышал бы весь этаж.

— Пожалуйста, выйди. Мне нужно сосредоточиться.

Он убрал руки со спинки. В кабинете сразу стало просторнее, хотя кресло осталось на том же месте. Я могла снова подвинуться к столу.

— Работай, дорогая. Только потом не говори, что я тебя не звал, — сказал он у двери. — И помни, кто кормит всю эту моль. Папки на моей полке он тоже оглядел так, будто выдавал им зарплату.

Он хлопнул дверью. Папка на краю полки качнулась, и я машинально потянулась ее придержать, хотя до полки было не достать. Из приемной тут же донесся его прежний веселый голос. Там для него все еще продолжался удачный вечер.

Подождала, пока затихнут шаги. Хотела вернуться к акту, но курсор дрожал вместе с моей рукой. Положила обе ладони под стол на колени. Секретарь смеялась чему-то, что он ей сказал. Я старалась разобрать слова — и злилась на себя за это.

Кто здесь кормит всю эту моль.

«Моль» — это были и я, и бухгалтерия, и люди, с которыми он пять минут назад праздновал сделку. Его телефон оставался в переговорной: перед встречей он просил секретаря забрать оттуда кофе, а аппарат так и не взял. Утром жаловался на тормозящее резервное копирование. Впрочем, сейчас я думала не о копиях.

Я знала, как назову это, если он поймает меня у стола: искала счет, хотела позвонить, перепутала телефоны. Ни одному объяснению он не поверит. И все-таки я уже смотрела на открытую дверь переговорной.

Акт был подписан им. Спрашивать я уже пыталась.

В приемной никого не было. Дошла до переговорной, задержалась у двери, прислушиваясь. Черный телефон лежал рядом с чашкой эспрессо; на стекле остался отпечаток его большого пальца.

Я взяла его. Пальцы скользнули по холодному стеклу. Код доступа я знала. Десять лет вместе, десятки просьб «Вера, ответь за меня, у меня руки заняты». Четыре цифры он так и не удосужился сменить.

8899.

Экран ожил. Уведомлений не было. Я открыла WhatsApp: он убрал чат с первого экрана в архив, но не стер его.

В архиве нашлась Марго. В офисе она говорила со мной почтительно, зато при Артеме менялась: смеялась чуть громче, двигалась ближе. Я все это видела и объясняла себе ее молодостью. Сейчас открыла чат, задержав палец на фотографии профиля.

Последнее сообщение было отправлено два дня назад. Перед ним тянулись короткие реплики о встречах. Я пролистала их до вложения.

Фотография.

Это был номер люкс. Панорамные окна, вид на Москву-реку, белоснежная постель, смятая простыня. И две пары ног. Его дорогие туфли от Gucci и ее босоножки на платформе. Рядом стояла бутылка шампанского. Подпись Марго: «Заказала следующий месяц. Хочу, чтобы никто не мешал нашему "бизнесу"».

Я смотрела на снимок дольше, чем успела осознать. Потом обнаружила, что держусь за стол другой рукой, а телефон прижимаю к краю, как будто кто-то хочет его забрать. Ноги на фото можно было рассмотреть и без увеличения. Все равно увеличила.

Я смотрела на дату под снимком. Он уже знал, когда вернется к ней. Они сняли себе номер и уже заказали следующий месяц. За счет компании, доход которой Артем называл нашим семейным достатком.

Дальше читать не смогла. Переслала фотографию на свой номер и сохранила реплики вокруг нее. Артем непременно назовет меня истеричкой. Пусть. Сначала я проверю, кто платил за номер.

Положила аппарат возле чашки. Проверила, точно ли так же он лежал. Раньше не замечала, насколько страшно делать вид, что ты ничего не трогала. Пока возвращалась в кабинет, вытирала вспотевшую ладонь о юбку.

Хотелось уехать домой. Но дома будет он. Постояла возле двери кабинета, держась за ручку.

За столом я не садилась. Открыла новую вкладку. На сохраненной фотографии увеличила папку на тумбочке: «Балчуг». Нашла номер отдела бронирования и позвонила.

— Добрый день, отдел бронирования отеля «Балчуг», — женский голос звучал сонно.

— Здравствуйте. Меня зовут Анна, я секретарь директора компании «Арт-Групп». Проверяю оплату корпоративного пакета для клиента. Номер карты, оканчивающийся на 4021. Могу ли я уточнить ФИО гостя, которому оформлена бронь на месяц вперед? Нужно сверить данные для акта оказанных услуг.

Пауза. Шорох клавиш.

— Секунду, Анна. Карта привязана к юрилицу... Да, вижу бронь. VIP-люкс. Имя гостя в системе: Морозова Маргарита Дмитриевна.

Марго.

Морозова Маргарита Дмитриевна. Я записала имя, хотя и без записи запомнила бы каждую букву. Администратор ждала следующего вопроса. Надо было ответить ей обычным деловым голосом; я прикрыла микрофон ладонью и откашлялась.

— Спасибо, — произнесла я ровным голосом. — Данные подтверждены. До свидания.

Трубка упала на рычаг. Щелчок.

Глава 2

Дома было темно. Артем ждал меня.

В прихожей стоял букет роз, еще в упаковке. Зацепилась за него пальто и чуть не опрокинула вазу. Обычно я тут же спрашивала, что за праздник. Сейчас переложила букет на тумбу, чтобы не мешал пройти. Из гостиной Артем окликнул меня так, будто мы утром расстались совершенно нормально.

Он устроился в своем кресле; на столике стояло вино, уже наполовину выпитое. Два бокала, сыр. Торшеры включил вместо люстры — так у нас выглядел вечер, который должен был закончиться примирением. Я еще даже не сняла пальто, а декорации для него были готовы.

— А, добралась, — сказал он. — У меня сыр уже заветрился. Опять до ночи работала? Он говорил с такой спокойной досадой, будто мой вечер испортился из-за сыра.

Пальто соскользнуло с руки на пол. Я посмотрела на него и прошла дальше: поднимать сейчас было незачем, через минуту, может быть, снова придется надеть.

— Работа, — коротко ответила я.

— Ну давай, садись. Я открыл то самое «Бароло», которое ты любишь. После успешной сделки нужно отметить. Клиент подписал контракт. Мы богаче на два миллиона.

Артем протянул руку к свободному месту возле себя. Я села на диван напротив. Сумку оставила у ног: было странное желание не устраиваться здесь слишком удобно.

Взяла у него бокал и оставила на колене. Он посмотрел на вино, которое я не пила. Я ждала, что спросит, что случилось. Он заговорил про нож.

— Красивый нож, — заметил Артем, указывая на сырную доску. — Помнишь? Мы купили его на годовщину. В Италии.

Нож из Италии. При покупке мы долго выбирали между двумя, и я настояла на этом: ручка удобно лежала в ладони. Теперь следила, куда он кладет лезвие, когда перестает резать.

— Помню, — сказала я.

Он прижал сыр пальцами и провел ножом. Кусок прилип к лезвию, Артем снял его и положил мне на крекер. Я смотрела на его руки: они умели делать заботливые вещи даже тогда, когда в телефоне оставалось фото Марго.

— Знаешь, я тут подумал, — начал он, не поднимая головы от сыра. — Нам нужно разнообразие. Скучно быть одними и теми же людьми десять лет.

Разнообразие. Даже не новая отговорка — просто одно удобное слово. Я крепче взялась за ножку бокала.

— Я выиграл в розыгрыше от нашего банка, — продолжил он, кладя кусок моцарелы на крекер. — VIP-пакет в отеле. Месяц. Абсолютная приватность. Без рабочих звонков, без суеты, без знакомых. Мы можем жить там. Как молодожены.

При слове «молодожены» я посмотрела на второй бокал. Он уже налил. Мне предлагалось выпить, улыбнуться и согласиться ехать туда, где Марго сминала простыни. Он даже не придумал для меня другой отель. От этой мелкой, ленивой экономии на лжи почему-то стало особенно больно.

Поставила бокал. Его основание стукнуло о дерево; Артем на секунду посмотрел вниз. Я дождалась, пока он снова поднимет глаза.

— Какой счет? — спросила я.

Артем замер. Нож завис над сыром.

— Что?

— Счет из отеля, который ты упомянул. Номер брони. Имя гостя.

Он посмотрел на меня поверх ножа. Улыбаться перестал не сразу: еще секунду держал лицо, с которым обычно продавал клиенту лишние метры. Потом положил крекер обратно на доску.

— Что за счет? — он рассмеялся и сразу перестал. — Я тебе про отдых, ты мне бухгалтерию. Поедем вдвоем, разве плохо? Он подвинул сырную доску, освобождая место перед собой.

— Я спрашиваю о счете, Артем. Потому что в бюджете компании есть списание 450 тысяч на «маркетинг», а в твоих сообщениях — фото номера люкса с именем Морозовой.

Я слышала, как тикают его часы. Бутылка стояла слишком близко к краю столика; мне захотелось отодвинуть ее. Не отодвинула.

Нож лег на сырную доску. Артем прижал губы, собираясь с ответом. Знала это выражение: так он смотрел на покупателя, который уже внес задаток, а потом вдруг задал неудобный вопрос.

— Ты в мой телефон залезла? — спросил он. Раньше так спрашивал только, если я отвечала на звонок клиента не тем голосом.

— Я аудитор. Я проверяю активы.

— Убери это слово! — Он поднялся, задел столик, и вино полилось на скатерть. — Мою жизнь ты тоже в таблицу записала? Кто тебе разрешил читать мои сообщения?

— Ты оставил чат в архиве, — сказала я. — Это все еще твой телефон и твои сообщения.

— Ты совсем уже большая на этом контроле! — закричал он. — Я с утра до ночи работаю, а ты под меня копаешь. Ты хоть понимаешь, сколько людей без меня останутся ни с чем?

— Тогда объясни платеж. Четыреста пятьдесят тысяч. И Марго в номере. Только без людей, которых ты кормил, — сказала я. — Я спрашиваю о наших деньгах.

Он шагнул к дивану и сжал мое запястье. Свободной рукой уперлась в край дивана. Рядом стоял бокал; я боялась задеть его локтем, потому что разбитое стекло он тоже назовет моей истерикой.

— Слушай сюда. К инвесторам с этим не ходи, — сказал он. Я отвела лицо от его винного дыхания. — Ни к одному. Ты им все испортишь, а виноватым сделаешь меня. Я карту заблокирую. И из компании тебя уберу. Хочешь сама по себе — будешь сама по себе. Только потом ко мне за деньгами не беги.

Он говорил медленно, сжимая запястье на каждом «я». Я смотрела на его большой палец: под ним уже белела кожа. Ни разу он не спросил, больно ли мне.

Когда он заговорил о деньгах, я вспомнила поручительство при покупке квартиры. Три года назад мы проверяли платежи вместе, и я хранила свой экземпляр. Его угрозы теперь касались не только моего места в компании. Надо было добраться до договора раньше, чем он решит, что бумага тоже принадлежит ему.

Ему было мало, что я узнала о Марго. Он хотел еще и назначить цену за то, что я узнала.

Взглянула на его руку на моем запястье. Если потянуть резко, станет больнее. Пришлось дожидаться, пока он закончит перечислять все, что собирается со мной сделать.

— Ты закончил? — спросила я тихо.

Он разжал пальцы и отступил. Вероятно, ждал, что я пойду следом. Я осталась сидеть и расправляла рукав: ткань смялась под его ладонью, на коже уже выступало красное.

— Ты пожалеешь об этом, — прошипел он.

Он ушел в спальню и хлопнул дверью. Рамка на полке упала, стекло разбилось. Свадебная фотография выскользнула на пол лицом вверх. Я посмотрела на свое лицо на снимке, потом отвернулась. Поднять его сейчас не смогла.

Я осталась одна посреди гостиной. На столе лежал недоеденный кусок сыра. За запястье было больно взяться даже другой рукой. Я открыла на своем телефоне сохраненную фотографию и убедилась: она на месте.

Сыр я накрыла салфеткой, вино оставила как было. Завтра начну с поручительства. Сегодня позвонить ему из-за закрытой двери и сказать «давай успокоимся» уже не получалось.

Глава 3

На следующий день позвонила в «Балчуг» еще раз. Вчерашнее имя осталось в блокноте, фотография — в телефоне. Все равно надеялась услышать что-нибудь другое. Пусть перепутали бронь. Пусть это оказался номер для клиента, нелепый подарок, чья угодно ошибка, только не то, что я уже видела.

— Здравствуйте. Вероника Стрельцова, «Арт-Групп». Можно проверить оплату брони? Артем Волков, карта на 4021. Мне подтвердили продление, но я хочу уточнить, оно уже прошло? Я читала с листа, чтобы не вставить в вопрос имя Марго раньше времени.

Администратор замолчала, проверяя данные. Я держала выписку перед собой и водила пальцем по номеру карты. Так было легче говорить без запинок. Попросить ее еще раз назвать имя я не решилась: вместо цифр из меня могло вырваться совсем другое.

— Сейчас посмотрю. Да, платеж есть, проживание продлено. Номер 1204 заселен. В пакете сауна, завтрак, шампанское и подготовка номера: смена белья, ароматизация. Про белье она сказала так же буднично, как про завтрак. Я пропустила следующую фразу, пришлось попросить повторить.

В номере кто-то был сейчас. Я посмотрела на часы: Артем говорил, что в это время будет на совещании. — Поняла, спасибо. Нажала отбой и посмотрела на время. Час дня. По его расписанию — совещание, по гостиничному — свежие простыни и шампанское. Телефон держала обеими руками, пока не перестал выскальзывать.

Через полчаса Артем позвонил в дверь. Я успела вытереть лицо, но ресницы еще были влажными. Он наклонился снять ботинки, и я узнала духи — те, которые сама выбирала ему. Под ними чувствовался еще один запах. Такой оставался в кабинете после Марго.

Он посмотрел на аппарат у меня в руке и оставил ботинки не там, где обычно. Я машинально отметила это, как замечала каждый день, а потом поняла, что больше не хочу поправлять за ним. — Что ты делаешь? — спросил он тихо, но в этой тишине звенело предупреждение. — Ничего, — сказала я, кладя трубку на стол. Экран погас. — В отель звонила? Зачем? — Он подошел, не дав закончить «ничего». — Кто тебя просил? Это моя карта. Ты вообще когда-нибудь остановишься? Подвинула телефон к себе. Лучше бы сразу убрала в карман: он тоже мог дотянуться до этого края стола.

Я молчала. Мне нужно было видеть его лицо. — Отвечай! — рявкнул он и резко схватил телефон со стола. Корпус ударился о край деревянной поверхности. Треск. Пластиковый уголок треснул, разлетевшись мелкими осколками.

Он бросил телефон на стол, и я подхватила его раньше, чем он соскользнул на пол. На чехле разошелся угол; под ним экран пока оставался целым. Вчера он сжал мне запястье, сегодня ударил аппарат. Между этими двумя поступками он успел позвонить клиентам и спокойно позавтракать.

— Ты истеричка, Вероника, — прошипел он, глядя на телефон в моих руках. — Тебе мало того, что я обеспечиваю тебе уровень жизни? Твоя паранойя начинает мешать бизнесу. Если ты продолжишь копать под меня, я заблокирую все карты. Все. Ты останешься ни с чем. Понятно?

Он требовал, чтобы я сказала «понятно». Обычное слово, после которого можно считать спор законченным. Я не сказала. Смотрела на угол чехла и думала, что, если сейчас открою рот, начну не с карт.

Артем вышел на кухню, хлопнув дверью холодильника. Слышно было, как он плескает виски в стакан. Поддела ногтем треснувший чехол. Сам экран не разбился. Телефон еще можно было использовать, только пластмасса царапала палец. Артем на кухне чем-то громко звякнул; я опустила руку, прислушиваясь, не возвращается ли.

Я открыла сохраненный снимок. Он загрузился. Значит, можно было скопировать его на другое устройство. Только бы Артем сейчас не вернулся из кухни.

В шкафу стоял старый ноутбук. Достала его, задела зарядкой вешалку и замерла. Из кухни донесся звон стакана. Он пока не шел. Кабель пришлось распутывать на коленях; я никак не могла найти разъем, хотя пользовалась этим ноутбуком несколько лет.

На облаке закончилась сессия. Повторный вход требовал новый пароль, которого я не знала. Вчера еще входила без него. Артем, значит, успел заняться не только моими картами. Закрыла форму, оставила ноутбук включенным. На диске могли оставаться прежние копии. Я сама подключала сюда его телефон, пока он занимался другими делами; тогда такая помощь даже нравилась.

Включила поиск файлов и оставила кабель в покое. Полоса загрузки двигалась медленно. Послышался шаг в коридоре; я закрыла окно поверх программы, но Артем прошел мимо. Файл восстановлен. Это был не текстовый файл с перепиской. Это была фотография. JPG из последнего сохраненного бэкапа. Марго сидела на краю гостиничной кровати. На тумбочке шампанское, белье смято. Увеличила зеркало на заднем плане. От Артема в кадр попала только рука на ее бедре, но этого хватило. Я узнала часы.

Закрыла ноутбук. Картинка осталась перед глазами: ее колено и его пальцы. Прижала ладонь ко рту, несколько минут ждала, пока перестанет тошнить. Он был в кухне. Можно было пойти и показать снимок, но я еще не сохранила его отдельно.

Перенеся ноутбук в гостиную, я еще раз открыла фотографию. В этот момент Артем вышел из душа. Капли воды стекали по его груди, полотенце на бедрах. Он увидел открытый ноутбук на журнальном столике и остановился. — Почему ты копалась в моих вещах? — его голос был низким, опасным. Я не закрыла крышку. Он ожидал, что начну суетиться, а я просто не успела придумать, куда убрать ноутбук. Свернутая страница с фотографией оставалась внизу, на панели. — Ты же жаловался, что все тормозит, — сказала я. — Проверяю, нет ли вирусов. Ты хочешь, чтобы отчеты зависли перед тендером? Он отвел взгляд к экрану. Картинку там не увидел.

Он посмотрел на ноутбук, потом на меня. Я придерживала крышку, готовая закрыть ее, но все-таки оставила аппарат открытым. Страницу с фотографией свернула заранее. В какой-то момент он махнул рукой: отвечать про вирусы ему было скучно. — Ну и дура, — буркнул он, отвернувшись и направляясь к балкону. — Вирусы. Как будто это важно.

Он вышел на балкон и не закрыл дверь до конца. Я хотела попросить прикрыть: тянуло по ногам. Не попросила. Звук из-за стекла было слышно слишком хорошо. Ночь наступила незаметно. Я лежала в кровати, слушая, как шумит город за окном. Артем долго лежал рядом, отвернувшись к стене. Потом встал и вышел. Я осталась лежать, натянув одеяло до подбородка. И тут я услышала шепот.

С балкона. Приглушенный, интимный. — ...да, она ничего не заметила, — голос Артема был тихим, но четким. На фоне, сквозь помехи связи, донесся смех. Женский. Знакомый. Марго. — А ты молодец, котик. Главное, чтобы ипотека прошла чисто.

Я приподнялась на локте, услышав «котик». Так он называл меня в первый год. Позже стал говорить «Вера, не начинай». Хотела выйти на балкон и спросить, почему моя ипотека обсуждается этим голосом. Но там был его телефон, а у меня — пока только одна фотография. Легла обратно и натянула одеяло до губ.

Я повернулась лицом к стене и начала считать про себя цифры из квартального отчета, который читала днем. Восемь миллионов двести тысяч... минус налоги... плюс амортизация... Считала заново каждый раз, когда сбивалась. За балконной дверью говорили тише. Я уже не разбирала слов, а выходить и показывать, что слушала, не хотела.

Через десять минут он вернулся. Я лежала, повернувшись к стене. Слышала, как он открывает шкаф, и старалась дышать так, будто сплю. Он не окликнул меня, принялся соби-

рать сумку. Он подошел к шкафу. Хлопок дверцы. Шуршание ткани. Застегивание молнии дорожной сумки. — Я уйду, — сказал он в темноту. Не спрашивая разрешения. Просто констатируя факт. — Важная деловая встреча с партнером. Ночевать буду в офисе.

Я открыла глаза. Смотрела на его спину, как он засовывает рубашку в сумку. — Не забудь оставить ключи от сейфа, — произнесла я четко, не повышая голоса. — Завтра налоговая может прийти с плановой проверкой. Им нужны оригиналы договоров.

Артем замер. Рука с сумкой повисла в воздухе. Он стоял с сумкой. Я смотрела на застежку: молния закусил край рубашки. Раньше подошла бы поправить. Сегодня ждала ответа про сейф. На завтра никакой проверки не назначали. От этой лжи было страшно самой: он мог спросить фамилию инспектора и сразу все понять. Но вместо этого начал перекладывать сумку из руки в руку. Про документы мы с ним говорили гораздо реже, чем следовало.

Он потрогал карман, где лежали ключи, и не отдал их. Артем медленно развернулся. Лицо его было серым, глаза бегающими. — Ты... ты проверяла документы? — спросил он, теряя уверенность. — Я аудитор, Артем. Я всегда проверяю баланс, — холодно ответила я.

Он посмотрел на сумку в своей руке, потом на меня. Потом, опустив голову, медленно поставил сумку на пол. Развернулся и лег обратно в кровать, отвернувшись к окну. Он не коснулся меня, а телефон положил под подушку. На полу осталась сумка, собранная для «встречи». Я смотрела на нее, пока не начало светать.

В темноте его спина выглядела точно так же, как вчера и неделю назад. Рядом лежал человек, который объяснял, зачем блокировать мои карты, а я по привычке берегла край одеяла, чтобы ему хватило. Марго говорила про ипотеку. Значит, она знала о наших деньгах больше, чем я. От этой мысли хотелось разбудить его и потребовать объяснений, но я уже слышала все, что он мог мне предложить: «паранойя», «истеричка». Утром я начну с договоров.

Я взяла свой телефон, который чудом уцелел после падения, и проверила сохраненную фотографию. Рядом записала время обоих звонков в отель и имя Маргариты Морозовой, названное вчера администратором. Сохранила заметку в защищенную папку на зашифрованном диске. В блокноте поставила дату. Имя гостя, бронь, карта — три строки. Хотелось дописать «как ты мог», но для этого хватило бы и десяти пустых страниц. Сначала надо было сохранить то, что еще не успел удалить он.

Глава 4

Старый iPhone SE лежал в ящике домашнего стола. Артем после ссоры взял основной телефон на работу; этот ему давно был не нужен. Я села на пол возле розетки, подтянула ноутбук. На столе все равно не поместились бы и кабель, и папка, а при каждом шорохе в коридоре мне хотелось видеть дверь.

Пока искала кабель, вспоминала его «лучше бы занималась собой». Я как раз занималась собой: пыталась понять, с какими долгами он собирается меня оставить. Но отвечать ему этой фразой сейчас было некому. Она застряла у меня в горле еще во время разговора.

На старом телефоне был код-пароль. Облачные копии уже были недоступны. Но я финансовый аудитор, а не просто обиженная жена. Я положила рядом блокнот: записывая даты и суммы, легче было удержаться от звонка Артему.

Подключила телефон. На ноутбуке открылось окно программы; я придвинула экран ближе, положив аппарат поверх закрытой папки. Кабель короткий, приходилось сидеть почти неподвижно. — Ну давай. Сказала телефону, хотя он вряд ли собирался учитывать мое нетерпение. Пальцем придерживала разъем, чтобы не отойти от программы по собственной глупости.

Программа для восстановления данных зависла на этапе идентификации устройства. Требовалось разблокировать телефон и подтвердить подключение. Я закрыла глаза, пытаясь вспомнить все пароли, которые он менял каждый месяц. Wi-Fi роутер? Дата первой встречи. Мы встретились на конференции по недвижимости в Сочи. Третье июля. Две тысячи четырнадцатый год.

070314.

Экран мигнул. Доступ разрешен.

Пароль подошел с первой попытки. Несколько секунд я только смотрела на открытое окно, боясь, что оно опять исчезнет. Он придумал новые коды для новых устройств, а старый аппарат оставил с датой нашей встречи. Там она оказалась еще нужна.

Полоса загрузки дошла до середины и остановилась. Я тронула кабель: вдруг отошел? Нет, телефон заряжался. Папка удаленных была пуста. Переключила поиск на сохраненные копии и старалась не глядеть на часы; ожидание ничего не ускоряло, только от него сильнее мерзли ноги.

Программа нашла старую локальную копию на ноутбуке. Я сверила дату: она была сделана до удаления чатов. Открыла сохраненные сообщения. Между служебными уведомлениями остались реплики Марго.

Пакеты, электричество, доставка продуктов. Я читала и почти убеждала себя, что это рабочая болтовня. Потом вернулась к датам. Между сообщениями стояли вечера, которые я хорошо помнила: жду его, ставлю еду в холодильник, спрашиваю, долго ли еще.

15 марта. 20:45. 18 марта. 22:10. 25 марта. 09:30.

Я взяла папку с отчетными документами Артема, которые мы разбирали неделю назад. Командировки. Бронирования отелей. Транзакции.

Совпадение дат ударило меня в солнечное сплетение. 15 марта он якобы был в Казани на осмотре объекта. Но Марго писала ему: «Жду в нашем московском номере. Не опаздывай». Его ответ: «Уже еду». Их отельный счет был датирован тем же днем. 18 марта он писал мне: «Задерживаюсь в офисе, дедлайн горит». А Марго благодарила за ужин и просила в следующий раз остаться до утра.

Я открывала свои сообщения за те же даты. Просила его купить молоко, желала удачного перелета, отправляла фотографию ужина. Он отвечал на них между встречами с Марго. Я сидела на полу и жалела, что не могу забрать эти заботливые слова обратно.

Меня замутило. Пришлось отложить ноутбук и упереться ладонями в пол. Сейчас бы он опять сказал, что я слишком остро реагирую.

И тут среди текстовых фрагментов мелькнул значок аудиофайла. `.m4a`. Длительность: 12 секунд. Отправитель: Марго. Дата: за неделю до нашего корпоратива, где я впервые увидела эту девушку. Легенда Артема гласила, что они познакомились только тогда, случайно столкнувшись в лифте.

Я включила запись.

Голос Марго звучал мягко, интимно, с легкой хрипотцой, которая вызывала мурашки по спине. — Ты снова забыл крем? Милый, если ты не будешь пользоваться моим подарком, я расстроюсь. И вообще, когда ты наконец освободишься, зануда? У меня планы на вечер, а ты опять в командировке... ой, прости, оговорка.

Тишина в комнате стала оглушающей. «Милый». «Мой подарок». Они уже обменивались подарками, когда Артем представлял мне новую сотрудницу как почти незнакомую девушку. Я помнила, как пожалала ей руку. Еще похвалила ее серьги.

Прокрутила запись три раза. На третьем уже нажимала остановку перед ее «милый», не выдерживая. За неделю до корпоратива они обменивались кремами и договаривались на вечер. А на корпоративе он спросил при мне: «Маргарита, вам нравится у нас?» Будто познакомился только что.

Создала папку, скопировала файл, проверила, открывается ли. Потом взялась за остальную переписку. Ничего полезного в моем желании разбить ноутбук не было, а он понадобился бы мне еще завтра. Я берегла его с таким усилием, словно Артем сейчас пытался вырвать аппарат из рук.

Шорох ключа в замочной скважине заставил меня вздрогнуть. Артем возвращался раньше, чем обычно. Обычно он приходил в десять. Сейчас было восемь вечера.

Отключила кабель, закрыла программу. Телефон вернула в ящик — слегка боком, как лежал до меня. Только после этого поднялась. Ноги затекли, и я чуть не задела коленом стол. Убрала волосы за уши: он всегда замечал, когда я растрепана, и спрашивал, что опять случилось.

Услышала табачный запах раньше, чем он вошел. Артем остановился у стола, посмотрел на ноутбук, потом на ящик. Я оставила зарядку на виду. Весь мой ответ сейчас помещался в этом кабеле.

— Что ты делаешь? — спросил он резко, проходя мимо меня к столу.

— Искала зарядку, — ответила я ровным голосом, глядя прямо ему в глаза. — Мой телефон умер, а у тебя старый лежит в ящике. Решила проверить, нет ли там чего полезного.

Он открыл ящик. Телефон лежал как прежде, но я все равно была уверена, что сейчас заметит разницу. Артем взял его, включил экран. Программа на ноутбуке уже была закрыта; этим я успела заняться.

— Ты рылась в моих вещах?

— Вещи общие, Артем. Квартира общая. Долги тоже. Если я ищу зарядку, чтобы позвонить юристу, это мои дела.

Он придерживал открытый ящик. Я ждала, что он проверит последние подключения. Вместо этого повернулся ко мне. Пришлось держать его взгляд: глаза все время тянуло к кабелю на полу.

— Ты ведешь себя странно, Вероника, — процедил он, кладя телефон обратно. — Параноидальная ревность тебе не идет. Лучше бы занималась собой, а не копанием в чужих карманах.

— Может быть, — согласилась я. — А может, пора заниматься своим имуществом. Перед тем, как оно станет чужим.

Он назвал меня странной, убрал телефон и ушел. В спальне хлопнула дверь. Я не пошла объяснять, почему ищу зарядку. Ему был нужен сам спор — даже про зарядку, если больше спорить не о чем.

Когда он ушел, я обнаружила кабель у себя под ногой. Подняла, смотала и положила к зарядке, как собиралась сделать до его прихода. Потом проверила копию. Только теперь можно было дать рукам дрожать, не пряча их под столом.

Утром вышла из дома раньше него. В кафе на окраине столики стояли далеко друг от друга, а официантка спросила только, нужен ли сахар. Мне хотелось поблагодарить ее за этот единственный простой вопрос. Заказала кофе, достала ноутбук и открыла скопированную переписку.

Я фильтровала сообщения по ключевым словам: «развод», «юрист», «ипотека», «договор».

И нашла документ. PDF-файл, прикрепленный к сообщению Артема человеку с именем «Григорий Л., адвокат». Дата отправки: шесть месяцев назад.

Я открыла файл. Руки снова затряслись, но теперь от ужаса иного рода.

В PDF было наше будущее, расписанное без меня. Ему бизнес, машина, деньги. Мне квартира. Я дошла до условий по квартире и прокрутила обратно: в четвертом пункте появлялось слово «поручительство». Слишком быстро я успела обрадоваться, что дом хотя бы оставляют.

Пункт 4.2: «При отсутствии согласия сторон на мирное урегулирование, инициируется процедура признания долга по ипотеке совместным обязательством супругов, с последующим переводом ответственности на сторону, оформившую поручительство (Вероника)».

Внизу мелким шрифтом примечание от адвоката: «Для реализации схемы необходимо обеспечить психологическое давление на супругу через демонстрацию эмоциональной нестабильности и потенциальной неверности, что снизит её переговорную позицию и вынудит принять условия во избежание скандала и потери репутации».

Адвокат писал об этом полгода назад. Я перечитала дату. Тогда мы еще обсуждали отпуск, а Артем уже согласовывал, как оставить мне долги. В проекте предлагалось давить на мои нервы и репутацию, чтобы я сама согласилась. Достала свой экземпляр поручительства: его я читала перед подписанием. Теперь нужно было сравнить сумму и условия с тем, что он отправлял юристу. Поставить рядом две версии оказалось легче, чем поверить, что он планировал это, сидя со мной за одним столом.

Читая примечание адвоката, я несколько раз возвращалась к началу строки. Про меня писали как про человека, которого надо дожать. Там не было сомнений, раскаяния, даже раздражения — только рекомендации. Я закрыла файл на минуту. Официантка принесла воду; я выпила ее, не замечая вкуса.

В кафе пахло горячими булочками. За соседним столом спорили, кто повезет ребенка на занятия. Их обычное утро продолжалось; мое зависело от одного пункта в PDF. Я придвинула к себе блокнот и выписала номер пункта. Его нельзя было забыть, когда начну рассказывать Денису.

Я открыла мессенджер. На экране висело сообщение от Дениса, частного детектива, которого я нашла по рекомендации коллеги. Мы обменялись всего двумя фразами. Он ждал моего сигнала.

Написала Денису: «Есть черновик развода и договор, которым он собирается оставить мне долги. Можем сегодня встретиться? Я привезу копии». Убрала из сообщения первую фразу, где называла Артема мошенником. Денис должен был прочесть документы сам.

Палец завис над кнопкой «Отправить».

За окном небо потемнело. Первая капля дождя ударила по стеклу. Потом вторая. Я подвинула ноутбук подальше от края стола и еще раз проверила номер Дениса. Даже сообщение ему было страшно отправлять. Но идти с этими файлами к Артему я уже пробовала.

Я нажала «Отправить».

Глава 5

Яичница подгорела, пока я распечатывала выписку. Артем сидел за столом и ждал, когда я поставлю перед ним завтрак. Поставила тарелку, а рядом положила лист. Распрямляла его ладонью дольше, чем требовалось: угол все время загибался, и я никак не могла начать разговор.

Белая рубашка, тост, масло. Он намазывал его до самых краев, как любил. Мои распечатки видел, но подвинуть свою тарелку не торопился. Я села напротив: если говорить стоя, он опять начнет просить сначала успокоиться.

— Артем, — мой голос прозвучал чужим, хриплым. Я положила листок бумаги прямо перед ним, поверх его тарелки. Масляное пятно растеклось по черным строчкам банковского перевода. — Посмотри. VIP-пакет в «Балчуге». Оплата за месяц вперед. Имя гостя — Маргарита Морозова. Твоя младшая партнерша. Или ты хочешь сказать, что у вас теперь общий корпоративный номер для совещаний?

Он отодвинул тарелку вместе с выпиской, чтобы не испачкать рукав. Кусок тоста держал в руке, жевал. На лист он так и не посмотрел. Я поймала себя на том, что жду, пока он доест, как будто мой вопрос должен уважать его завтрак.

— Ты слышишь меня? — я повысила голос, чувствуя, как желчь подступает к горлу. — Это не командировка. Это измена. И это деньги наши, семейные, которые ты перевел ей напрямую, минуя бухгалтерию. Объясни.

Он вздохнул и запрокинул голову. При этом я уже знала, что скажет дальше: «Ты сама себя накручиваешь». Тем же вздохом сопровождалась просьба вызвать сантехника и вопрос, почему он опять задержался. Я раньше уступала ему хотя бы право устать от моих вопросов.

— Вера, — протянул он мягко, почти ласково, кладя мою руку на свою холодную ладонь. Его кожа была сухой, шершавой. — Опять этот твой перфекционизм. Ты путаешь рабочие процессы с личной жизнью. Я был в Сочи на конференции агентства, помнишь? Стандартный пакет для VIP-клиентов всегда оформляется на имя того, кто ведет переговоры. Марго просто числилась контактным лицом. Она же знает все эти нюансы лучше тебя. Тебе нужно расслабиться, детка. Твой мозг перегрет цифрами.

— На конференции были только мужчины из отдела продаж! — выпалила я, вырывая руку. — Марго там быть не могла, у неё отпуск начался за три дня до этого! Я проверила календарь компании!

Он прижал губы и бросил телефон на стол. Аппарат скользнул ко мне, зацепив распечатку. Наверное, он уже убрал все, что хотел убрать. Я положила палец на край бумаги, чтобы та не съехала в масло.

— Посмотри сама, если тебе так важно.

Его телефон отодвинула. Открыла на своем копию вчерашних сообщений. Прочитала подряд: «Наша маленькая тайна», «Скучаю по твоим губам», «Жду тебя в субботу». Ни одного слова про переговоры. Экран развернула к нему.

Я указала на первую строку, удерживая экран перед ним. — Читай. Вслух. Прочти, что ты написал своей любовнице вчера.

Он листал мою копию большим пальцем, будто искал скучную рекламу, которую можно пропустить. Потом вернул телефон. — Вот, — сказал, хотя ничего мне не показал. Я открыла те же строки снова.

— Скриншот? Серьезно? Такое любой нарисует, — сказал он. — Ты что установила, пока рылась в телефоне? — Я ничего не рисовала. — А я должен доказывать, что ты не рисовала? Вера, тебе к психологу надо. Не к юристу. Ты сама себя довела, теперь мне объясняйся. Я работаю, чтобы у нас все было, а ты ловишь меня, как чужого.

В руках был мой телефон, а я все равно на секунду захотела попросить его проверить снимки: вдруг действительно что-то не так? От собственной готовности поверить ему стало стыдно. Пролистала обратно к датам и поставила экран между нами. Он говорил про психолога, даже не глядя на него.

Пришлось выпрямить лист с билетами: я так долго сжимала его, что цифры ушли на сгиб. Пусть объяснит даты. С фотографией он спорил легко; здесь требовалось хотя бы назвать другой рейс. — Артем, я сверилась с билетами на конференцию. В папке организаторов нет билета на твоё имя. Ты летал туда частным рейсом за два дня до начала мероприятия. Это не рабочая поездка. Это личная встреча. Почему ты врал про даты?

Артем оттолкнул стул. Ножка процарапала ламинат; я помнила, как выбирала этот пол и уговаривала его купить войлочные накладки. Он встал между мной и окном. Теперь приходилось заирать голову, чтобы увидеть его лицо.

— Ты как мать, — сказал он, наклоняясь через стол. — Она ушла, потом тоже всем рассказывала, что ей врал. Ты сама мне это говорила. Забыла? Я вцепилась в край бумаги. Лучше бы забыла. — Ты сломанная, Вера. Не умеешь жить спокойно. Даже когда тебе все дали. Теперь мои сообщения разбираешь вместо того, чтобы с собой разобраться.

Про мать я рассказывала ему однажды ночью, когда долго не могла уснуть. Он тогда гладил меня по волосам и слушал. Теперь повторял мои слова за завтраком так, будто они подтверждали неисправность моей головы. Я искала взглядом дверь.

Холод от холодильника чувствовался через халат. Я отступила к нему и теперь искала, как пройти к двери, не задев Артема плечом. На столе оставался мой телефон; бросать его ему не хотела.

Я повернулась к дверному проему, ведущему в гостиную. Шаг. Второй.

Он поймал меня за плечо у самого прохода. Я остановилась, потому что при следующем шаге ткань халата затрещала бы. Повернуться к нему пришлось; свободной рукой держала пояс. — Мы не закончили разговор, Вера.

— Пусти, — прошептала я, пытаюсь высвободиться.

— Ты не можешь просто хлопнуть дверью и убежать в свои иллюзии, — он развернул меня к себе лицом. Его пальцы сжались сильнее на ткани моего халата. — Ты труслива. Тебе проще обвинить меня в предательстве, чем признать, что ты ревнуешь. Что ты боишься потерять контроль над ситуацией, потому что я стал успешнее, чем ты привыкла видеть в своем муже. Признай это. Скажи, что ты завидуешь моим связям. Скажи, что ты боишься, что я найду кого-то лучше тебя.

— Я не завидую! Я требую правды! — крик сорвался с губ раньше, чем я успела его подавить.

— А кто потом будет платить за твою правду? — спросил он. — Ты побежишь в полицию, начнешь рассылать свои картинки. Сделки сорвутся, а виноват, конечно, я. Пока не успокоишься, карта будет заблокирована. — Мои деньги тоже там. — Вот поэтому. Чтобы не потратила их на глупости, а потом не пришла ко мне плакать.

Я достала карту из кошелька и положила рядом с его кофе. Он взглянул на нее и продолжил говорить про мое здоровье. Даже за завтраком мне приходилось просить у него разрешения потратить собственные деньги.

Он посмотрел на карту возле чашки, но брать ее не стал. Продолжал объяснять, как заботится обо мне. Я слушала и думала, что сегодня даже обычный обед придется заказать в пределах суммы, которую он разрешил. Десять лет я работала с бюджетами компаний. На своей кухне у меня спрашивали, здорова ли я.

Я смотрела на его пальцы и вспоминала вчерашний след на запястье. Он называл меня любимой тем же голосом, которым объяснял, почему без него я не справлюсь.

— Ты вообще меня любишь? — спросила я. И сразу пожалела, что дала ему такой простой выход из разговора о документах.

Он посмотрел на часы. До ответа оставалось совсем немного — удобная пауза, чтобы мне стало неловко за вопрос. Я ждала. Он поправил манжету, прикрыв циферблат, и снова поднял глаза.

— Если бы не любил, давно ушел бы от твоего цирка, — сказал он. — Мне уже советуют поговорить с юристом про твою дееспособность. Ты добьешься, что я поговорю. Тогда узнаешь, сколько у тебя осталось здравого смысла. Не сказала, что заботливые люди обычно не обещают жене лишить ее дееспособности. Он уже видел мои карты возле чашки — и этого ему было достаточно.

Он убрал руку, а я придержала халат там, где растянул ткань. Пиджак снял со стула и накинул на плечи. Проверил карманы: кошелек, ключи, телефон. За пуговицу зацепился манжет, он поправил его и снова провел рукой по карману. Я ждала хотя бы взгляда на смятый халат, но он уже собирался на работу.

— Я на работе. Обед закажи сама себе, через приложение. Деньги на карте заморожены, но лимит на еду оставил небольшой. Не переусердствуй с заказами, они дорого стоят.

В прихожей он загремел ключами, дверь закрылась. Я дождалась звука лифта. Если вернется за забытой вещью, опять увидит меня среди бумаг — больше прятать их не собиралась.

Подогреть яичницу было легко. Сесть и съесть ее — нет. Я держала тарелку над раковиной и вспоминала, как уверенно он произнес «сломанная». До его ухода я спорила. После — начала примерять это слово к себе. Пришлось поставить тарелку, достать телефон и заново открыть фотографию.

Слеза скатилась по щеке, горячая и соленая. Я закрыла глаза, пытаюсь остановить поток самокопания. Нужно дышать. Нужно думать.

Когда я открыла глаза, взгляд упал на спинку стула, где секунду назад лежал пиджак Артема. На темной обивке блеснула крошечная деталь. Ниточка. Тонкая, серебристо-серая, с характерным перламутровым отливом.

Я подошла ближе. Прикоснулась к ней кончиком пальца. Тонкое серебристое волокно зацепилось за шов обивки. Я видела такой шарф у Марго на корпоративе в прошлом месяце. Она носила его с гордостью, рассказывая, что это подарок от «особого поклонника».

Нитку я сняла с обивки и положила возле распечатки. Она могла быть от чьего угодно шарфа. Фотография в моем телефоне — не могла. Я опять открыла ее, пока его голос про «сломанная» еще звучал в голове.

Фотография открылась, как и вчера. Я увеличила руку в зеркале. Его рука. Его часы. Никакой разговор про мою мать не мог сделать их чужими. Теперь надо было позвонить, прежде чем опять передумаю.

Нашла номер Дениса в сообщении коллеги. Вчера он обещал принять меня, когда смогу приехать. Пока шли гудки, смотрела на тарелку Артема: он оставил недоеденный тост прямо на моей выписке.

— Алло? — голос был хриплым, низким, с легкой хрипотцой курящего. — Это Вероника, — сказала я четко. — Мне нужен следователь. У меня есть дело о мошенничестве. И я знаю, где зарыт компромат.

Глава 6

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.